

БИБЛИОТЕКА
ВОЕННОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ФЕДОР УШАКОВ

Адмирал
святого русского
воинства

Библиотека военной и исторической литературы

Сборник

**Федор Ушаков. Адмирал
святого русского воинства**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 929 Ушаков Ф.Ф.
ББК 63.3(2)4-8 Ушаков Ф.Ф.

Сборник

Федор Ушаков. Адмирал святого русского воинства / Сборник —
«Издательство АСТ», 2019 — (Библиотека военной и
исторической литературы)

ISBN 978-5-17-114278-0

История развития русского военного искусства насыщена победными боями с врагами как на суше, так и на море. Видную роль в этих триумфах сыграл русский военно-морской флот. По сей день мы можем гордиться прославленными именами флотоводцев, среди которых одно из первых мест по праву принадлежит адмиралу Ф.Ф. Ушакову. Основу книги составляет одна из первых опубликованных биографий Ф.Ф. Ушакова, написанная генерал-майором флота Р.К. Скаловским, которая дополнена обширным корпусом документов эпохи. Книга в полной мере воссоздает историю российского парусного флота конца XVIII – начала XIX в., позволяет проследить летопись побед Ф.Ф. Ушакова в Средиземном море, раскрывает личность прославленного адмирала, который в 2004 году Архиерейским собором Русской православной церкви был причислен к лику общецерковных святых подвижников. Книга рассчитана на всех, кто интересуется военной историей, морскими сражениями, летописью побед российского флота и жизнеописаниями великих личностей прошлого.

УДК 929 Ушаков Ф.Ф.
ББК 63.3(2)4-8 Ушаков Ф.Ф.

ISBN 978-5-17-114278-0

© Сборник, 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть I	6
Предисловие	6
Глава I	8
Глава II	10
Глава III	18
Глава IV	20
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Адмирал святого русского воинства

Часть I

Ростислав Карлович Скаловский Жизнь адмирала Федора Федоровича Ушакова

Предисловие

Книга, которую вы держите в руках, посвящена гениальному флотоводцу Федору Федоровичу Ушакову (13 февраля 1745 – 2 октября 1807). Вы познакомитесь с первой биографией Ф.Ф. Ушакова, написанной Ростиславом Карловичем Скаловским в середине XIX века, которую дополняют документы эпохи. Перед вами откроются подробности жизни и деятельности русского адмирала, секреты его морских побед и достижений в мирное время.

В заслугу Ушакова мы не будем ставить присоединение новых территорий к Российской империи. Нет, его значение гораздо глубже (в прямом смысле этого слова)! Он присоединил целое море! Черное.

От географии не убежать. Черное море испокон веков было связано с исторической судьбой России. Обладание черноморскими берегами определяло и показывало могущество Древней Руси, Российской империи, Советского Союза и современной Российской Федерации.

Первые киевские князья уверенно чувствовали себя на Черном море, называвшемся в Средние века арабами и европейцами зачастую Русским. В период монголо-татарского ига контроль над черноморским регионом был утрачен. С распадом Золотой Орды Крым и прилегающие территории оказались под управлением Крымского ханства, зависимого от Османской (турецкой) империи. Крымские татары оказались достойными противниками московских государей.

Окрепшее при первых Романовых Российское государство уже в XVII веке заявило о своем желании вернуть себе Черное море. Однако справиться с Крымским ханством и Турцией удалось лишь в конце XVIII века. Победы русской сухопутной армии были дополнены блестящими морскими викториями русского флота под командованием Федора Федоровича Ушакова.

Но на этом Федор Федорович Ушаков останавливаться не собирался. Российская империя заключила в 1798 году союз с Турцией (недавним врагом) против молодой и амбициозной Французской республики. Ушаков был назначен командующим русско-турецкой эскадры, которая должна была противодействовать в Средиземном море французскому флоту и освободить острова между Италией и Грецией.

Русский флот во главе с Ушаковым преодолел географическую ловушку Черного моря и вышел на просторы Средиземного. Экспедиция длилась около двух лет, но имела серьезные геополитические результаты. На карте мира появилось первое греческое государство Нового времени – Республика семи островов, являвшаяся федерацией Ионических островов.

Федор Федорович Ушаков активно способствовал изменениям в политической географии. Республику семи островов возглавил будущий министр иностранных дел Российской империи (Иоанн Каподистрий), поэтому первоначально она полностью ориентировалась на Россию. Однако территориальная отдаленность Республики от Российской империи позволила просуществовать ей лишь с 1800 по 1807 год, впоследствии перейдя под контроль Франции, а затем и Великобритании.

Но география играла с Федором Федоровичем Ушаковым и злые шутки. Прославленный флотоводец, казалось, был более оценен потомками, нежели современными ему властителями. Слишком далеко был Санкт-Петербург (чисто географически) от мест достойных ушаковских побед. И последние годы жизни адмирала прошли далеко от столичного блеска – в Тамбовской губернии. Хотя во время Отечественной войны с Наполеоном Ушаков был избран земляками главой Тамбовского ополчения!

Если при жизни Ушаков и не был обласкан правителями, то после смерти память о Федоре Федоровиче на долгие годы сохранилась на географической карте мира. Его имя носят: бухта в Баренцевом и мыс в Охотском морях; площадь в Минске и бульвар в Москве; улицы в Челябинске, Сарове, Минске, Санкт-Петербурге и Херсоне. Ему поставлены: памятники в Тамбове, Керчи, Херсоне, Севастополе, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Кронштадте, на острове Корфу, в Болгарии (на мысе Калиакре); бюсты в Челябинске, Ейске, Рыбинске, Ростове-на-Дону, Мессине (Сицилия), в Салониках и на острове Закинтос (Греция). А в 2004 году Ф.Ф. Ушаков был канонизирован Русской православной церковью как Святой Праведный воин.

Глава I

Первые годы службы Ф.Ф. Ушакова

Продолжительные и упорные войны на суше и на море в царствование императрицы Екатерины II представляли обширное поприще для военных дарований и указывали на военачальников, умевших возвеличить оружие России и смирить всех врагов ее. В ряду таких имен, озаренных славой и отмеченных Историей, видное место занимает адмирал Ушаков, скоро угаданный князем Потемкиным и избранный им в начальники Черноморского флота.

Но не одному славному веку Екатерины II принадлежит лучшая часть подвигов Ушакова. Судьба определила ему счастье служить трем царствованиям и быть деятельным участником в войне, поднятой императором Павлом на защиту союзных держав Западной Европы от гибельных учений и дерзких завоеваний Французской республики, и он понес русский флаг по водам Средиземного моря так же величаво и победоносно, как прежде того ограждал Черное море от нашествий турецких морских сил.

Кроме этих подвигов беспримерной храбрости – затруднительные положения, военные и политические, в которые Ушаков был часто поставляем; достоинство, с каким он всегда и везде преодолевал их; блистательные успехи с малыми средствами и, наконец, сношения со многими замечательными лицами той эпохи, увеличивают историческое значение его личности и придают особенную цену всем подробностям многосторонней его деятельности.

Для описания жизни адмирала Ушакова, во всем ее объеме и в полной ее обстановке, я заимствовал сведения из дел Главного Морского архива и находящихся в Николаеве; из бумаг, принадлежащих некоторым частным лицам, и других источников, стараясь заключить достоинство моего рассказа в простом и верном очертании событий.

* * *

Федор Федорович Ушаков родился в 1745 году, в Темниковском уезде Тамбовской губернии, от недостаточных родителей, оставивших ему в наследство 19 ревизских душ. Фамилия Ушаковых принадлежит к древним дворянским и происходит от косоцкого князя Редеди; она была также в родстве с графом А.И. Ушаковым.

До 16-летнего возраста Ушаков провел жизнь в уединенной деревне отца своего, предоставленный более самому себе, чем кем-либо руководимый; но строгая нравственность и высокие религиозные чувства, возбужденные примерами его семейства, отличавшегося особенной правдивостью и набожностью, глубоко запечатлелись в его сердце и сохранились во всю последующую жизнь.

Воспитание его ограничивалось теми скромными познаниями, какие мог передать сельский священник, и, предаваясь более развитию физическому, чем умственному, он находил лучшим для себя удовольствием пренебрежение опасностями, удовлетворявшее врожденному бесстрашию его характера, и нередко, в сопровождении таких же смельчаков, отваживался на занятия не по летам – так, со старостою деревни своей он хаживал на медведя.

Поступив в Морской шляхетский кадетский корпус, 16 февраля 1761 года, Ушаков не встретил там почти ничего, что способствовало бы к смягчению его наклонностей и привычек. Заведение это, не насчитывавшее тогда и десяти лет со времени своего учреждения, пребывало еще в переходном состоянии, без хорошего внутреннего порядка, без правильного преподавания наук и, главное, без должного наблюдения за нравственностью.

Это не была бурса, но немногого недоставало для того, чтобы вполне походить на нее; там можно было приобрести познания, необходимые для морского офицера, но трудно было

не усвоить себе также, более или менее, сурового обращения, грубых привычек, недостатка общежития и вообще какого-то особенного типа, неизбежно рождаемого таким образом воспитания.

Каждый юноша, а их полагалось тогда иметь в Морском корпусе до 360, почти совершенно предоставлен был своему произволу внеклассного времени; мышцы были в постоянном упражнении для водворения прав сильного над слабейшим; дурные наклонности одного прививались другому, и если еще не более 30 лет тому назад воспитание в Морском корпусе, на языке кадетов, называлось «спартанским», то нетрудно представить себе состояние этого учебного заведения почти за сто лет.

Поэтому некоторую строгость и суровость, замечаемые в характере Ушакова, не столько, быть может, надобно отнести к природным свойствам, сколько принимать за следствие обстановки, сопровождавшей его юношеские годы, – за отпечаток его века во флоте нашем, отразившегося на многих морских офицерах того времени.

Через два года после поступления в Морской корпус Ушаков произведен был в гардемарина (12 февраля 1763 года) и спустя еще год в капралы (10 апреля 1764 года). На практических эскадрах он ежегодно плавал до Готланда и Дагерорта и в 1766 году 1 мая произведен в мичмана, будучи 21 года от роду. В списке 59 воспитанников, выпущенных с ним в офицеры, он поставлен четвертым, что, конечно, свидетельствует о его хороших успехах и нравственности.

В том же 1766 году на пинке «Наргине», под командой капитан-лейтенанта Глотова, отправился из Кронштадта в Архангельск, откуда возвратился в Кронштадт в следующем году на том же судне. В 1768 году на корабле «Трех Иерархов», под командой капитана 1 ранга С. К. Грейга, находился в практическом плавании по Финскому заливу. В исходе того года назначен в Черноморский флот.

Глава II

Первая война с Турцией в царствование императрицы Екатерины II

Служение Ф.Ф. Ушакова в Черноморском флоте с 1768 по 1775 год

Царствованию императрицы Екатерины II суждено было изгладить следы Прутского и Белградского договоров. Повод к этому подала сама Турция, в 1768 году вмешавшись в дела Польши, по внушениям Франции, и обратившись к России с предложениями, на которые можно было отвечать одним только оружием.

Вместе с приготовлением двух армий, под начальством князя Голицына и графа Румянцева, для отражения турок, собиравших огромные ополчения, приступлено было к восстановлению Днепровской и Донской флотилий. Последняя из них имела еще тогда 92 малые судна: лодки, дубель-шлюпки и проч., и в ноябре 1768 года высочайше повелено было: генерал-кригс-комиссару Селиванову исправить верфь в Таврове и истребовать на Дон три тысячи мастеровых из губерний подмосковных; а Адмиралтейской коллегии придумать чертежи судов, которые могли бы с достаточной безопасностью плавать по Азовскому морю.

Мелководья устьев Дона и Таганрогской гавани, служившие всегдашним препятствием к достижению этой цели, и на этот раз привели Коллегию в затруднение, почему она избрала четыре рода парусно-гребных судов: 16-пушечных, из которых одни сидели в воде 9 футов, а другие 8; бомбардирских 10-пушечных, с одной двухпудовой мортирой; и 12-пушечных, сидящих в грузу 5 футов.

В исходе 1768 года посланы были из Балтийского галерного флота 1300 нижних чинов на Дон, и тогда же Ф.Ф. Ушаков, находившийся в числе офицеров, назначенных в Азовскую экспедицию, отправился с партией матросов и прибыл в Воронеж, под начальство вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина, избранного главным начальником Азовской флотилии.

Первые приготовления к военным действиям состояли в поспешной постройке на Тавровской верфи 12 судов по чертежам Коллегии, в восстановлении укреплений Азова и Таганрога и углублении Таганрогской гавани. В то же время голландские, датские и английские морские офицеры получили приглашение вступить в русскую службу и в портах Балтийского моря приготовлялась эскадра.

1769 год проведен был в снаряжениях судов Азовской флотилии и крейсерстве небольших отрядов, не ознаменованном никакими случаями. В эскадре капитана 1 ранга Пущина, плававшей некоторое время против устьев Дона, находился, на праме № 5, Ф.Ф. Ушаков, произведенный в лейтенанты 30 июля того года (в чине мичмана служил три года).

Но если начинания эти на Азовском море мало озабочивали Порту и не встречали никаких почти препятствий, зато приготовления для действий на Средиземном море готовили ей удар с той стороны, где она менее могла ожидать его. По предложению графа А.Г. Орлова, императрица приняла намерение сделать диверсию через восстановление против Порты всех жителей Архипелага и Греции.

Насильственные и варварские поступки оттоманского правительства с христианскими народами, ему подвластными, и всеобщая их ненависть к туркам делали восстание это возможным и удобным; поэтому в исходе 1768 года посланы были агенты на Черную гору, в Албанию, Молдавию, Валахию и другие турецкие области; оружие же, снаряды и деньги для жителей Архипелага отправлены из Кронштадта на голландском корабле.

Грекам предложено было снаряжать за свой счет отряды сухопутных войск или суда для крейсерства, и лица, наиболее участвовавшие в этих пожертвованиях, награждены были военными чинами. Все жители оживились надеждой на избавление от турецкого владычества, и граф Орлов, избравший Флоренцию местом своего пребывания и тайных сношений, ожидал только прибытия русской эскадры к берегам Греции, чтобы приступить к открытым действиям.

Эскадра под начальством адмирала Спиридова, к нему отправленная, оставила Кронштадт в июне 1769 года и состояла из 7 кораблей, 1 фрегата, 1 бомбардирского судна и 6 мелких; в 1770 году к ней присоединены были 3 корабля, 2 фрегата и 3 мелких судна, пришедшие в Архипелаг под начальством контр-адмирала Эльфинстона, и потом еще 3 корабля и 13 транспортов с десантными войсками, под начальством контр-адмирала Арфа.

В 1770 году действия Азовского флота ограничивались прикрытием устьев Дона со стороны моря, и лейтенант Ф.Ф. Ушаков, на том же праме № 5, участвовал в этих крейсерствах. Морские силы неприятеля были обращены тогда к Архипелагу, и потому суда наши беспрепятственно плавали до сентября, после чего некоторые из них остались для зимовки в Таганрогской гавани, которая была уже достаточно углублена и исправлена.

Иные действия происходили между тем в Архипелаге и в главной армии, и 1770 год ознаменован истреблением значительной части турецкого флота в Чесменской бухте, 26 июня, и поражением турок при Кагуле, 21 июля. Флот графа Орлова и адмирала Спиридова, истребивши 15 неприятельских кораблей, 6 фрегатов и до 50 мелких судов, остался повелителем вод Архипелага и Греции, продолжал повсюду преследовать и поражать турецкие военные суда, беспокоя неприятеля на всем протяжении его берегов, завладел множеством призов, пресек подвоз продовольствия в Константинополь, заставил Диван опасаться за безопасность самой столицы и вообще действиями своими отвлекал значительную часть турецких войск от главной армии нашей.

Такие же важные последствия доставила Кагульская победа, уничтожившая 150-тысячную турецкую армию и доставившая графу Румянцеву возможность вскоре после того занять левый берег Дуная с крепостями: Измаилом, Килией, Бендерами, Аккерманом, Браиловым, Бухарестом и Журжей. Оба поражения эти – Чесменское и Кагульское – имели решительное влияние на судьбу Крыма, лишив его защиты сухопутными турецкими войсками и сделав не столь опасным появление неприятельского флота на Черном море.

Чтобы воспользоваться столь благоприятными последствиями, положено было в следующем году покорить Крым, и для этого назначена была вторая армия, предводимая генералом князем Долгоруковым, при помощи Азовской флотилии, на которую возлагалось доставление мостовых принадлежностей для переправы и обеспечения продовольствия войск.

12 июня 1771 года князь Долгоруков с сорокапятитысячной армией подошел к Перекопу и через два дня взял приступом его линии, защищаемые пятьюдесятью тысячами татар и семью тысячами турок под предводительством самого хана Селим-Гирея. Для отвлечения внимания неприятеля и нападения на него с двух сторон, отделен был от армии небольшой отряд под командой генерал-майора князя Щербатова, которому надлежало проникнуть в Крым по пути, избранному в предшествовавшую войну фельдмаршалом Лассием, т. е. достигнуть Арабатской косы через Генический пролив, и потом, при помощи флотилии, овладеть Арабатом, Ени-Кале и Керчью, составлявшею, по выражению императрицы, «ключ прохода из Черного моря в Азовское».

Согласуясь с намерениями главнокомандующего, вице-адмирал Сенявин вышел из Таганрога 25 мая, имея под своим начальством восемь новопостроенных 16-пушечных кораблей («Хотин», «Новопавловск», «Азов», «Таганрог», «Морея», «Модон», «Корон» и «Журжа»), два бомбардирских корабля, 37 канонирских лодок и 3 транспорта; но, удерживаемый дурными качествами судов, придуманных Адмиралтейской коллегией, и крепкими противными ветрами, причинившими несколько несчастий на флотилии, Сенявин не прежде 14

июня мог прибыть к Геничи, потерявши на этом переходе один бомбардирский корабль, три канонерские лодки и часть мачтовых лесов, выброшенных за борт для облегчения судов.

Князь Щербатов прибыл в Геничи двумя днями прежде флотилии, 12 июня, и, не дожидаясь понтонов для моста, успел переправить вплавь два полка через мелководный пролив этот на Арабатскую косу; остальные же войска перешли по наведенному мосту, и Сенявин готовился следовать за отрядом, но полученное им уведомление от князя Долгорукова о намерении неприятельского флота появиться на Азовском море, заставило несколько изменить первоначальный план.

Оттоманская Порта в мае 1771 года выслала на Черное море четыре отделения судов, направив их к Батуму, Очакову, в Дунай и Азовское море; последнее из них, в котором находилось 45 галер, шебек и транспортов, должно было перевезти с румельских берегов многочисленное вспомогательное войско татар и турок, поэтому Сенявин поспешил к Керченскому проливу, с семью кораблями, навстречу неприятельской флотилии, оставив один корабль и все канонерские лодки у Арабатской косы для содействия войску князя Щербатова.

19 июня, поутру, он увидел на ветре и близ мыса Кезандибы (Казаншин) 14 турецких галер и шебек, которые немедленно удалились под защиту керченских укреплений и там остановились на якоре; суда же наши заняли Еникальский пролив для наблюдения за неприятелем и заграждения ему входа в Азовское море.

Две недели обе эскадры оставались в этом положении, не предпринимая ничего решительного, и, когда князь Щербатов, совершивши удачный переход по Арабатской косе, 18 июня взял приступом Арабат и занял Ени-Кале и Керчь 3 июля, все турецкие суда немедленно вышли из Керченского пролива и возвратились в Константинополь; после этого эскадра Сенявина, разделенная на две части, пробыла еще несколько недель в крейсерстве у крымского и таманского берегов; к середине сентября она возвратилась в Ени-Кале и разгрузалась. Ф.Ф. Ушаков не участвовал в экспедиции этого года; состоя на фрегате «Первом», под командой капитан-лейтенанта Кузьмищева, в отряде капитана Тишевского, он находился при проводке фрегата рекой Доном до Азовского моря и потом назначен был командиром четырех речных транспортных судов, доставлявших леса из разных мест к Таганрогу для достройки того фрегата.

Поход князя Долгорукова также вполне достиг предположенной цели. Армия его, овладев Перекопом, вскоре проникла вовнутрь Крыма и 21 июня заняла Евпаторию, а 29-го взяла приступом город Кафу (Феодосию). Крымские татары вынуждены были заключить договор, по коему совершенно отказались от союза с Портой и объявлены независимыми, под покровительством России; многие, однако, семейства бежали в Турцию и сам Селим-Гирей должен был искать убежища в Константинополе.

Со значительными успехами действовали войска и на других поприщах войны. Румянцев твердо стоял на левом берегу Дуная, удерживая за собой крепости, занятые им в прошлом году, и делал неоднократные нападения на Тульчу, Исакчи и Бабадаг, лежащие на правом берегу реки. Флот адмирала Спиридова, состоявший уже тогда из 10 кораблей, 21 фрегата, 2 бомбардирских кораблей, 5 шлюпов и 13 мелких судов, по-прежнему оставался повелителем Архипелага и имел главное свое местопребывание у о. Фороса.

Все греческие острова просили вступить в подданство России. В августе три отряда судов, забрав десантные войска, обошли весь берег Румелии, от острова Негропонта до Дарданелл, весь анатолийский, короманский, и остров Родос, нанося повсюду всевозможный вред и опустошение, для привлечения турецких войск к защите берегов своих и ослабления их армии, действовавшей против графа Румянцева.

На острове Митилини сожжены были два новых 74-пушечных корабля, несколько малых судов и разорена верфь; корсары беспощадно истребляли все, принадлежавшее неприятелю, и адмирал Спиридов с несколькими кораблями и фрегатами блокировал Дарданеллы, чтобы

турецкая эскадра, изготовлявшаяся в Константинополе, нечаянным появлением своим в Архипелаге не нанесла вреда нашим крейсерам.

Стесненная таким образом с разных сторон и пораженная отторжением Крыма, Турция предложила перемирие, которое заключено было 19 мая 1772 года в армии графа Румянцева, и вскоре за тем на флоте адмирала Спиридова. Обе стороны должны были тогда прекратить всякие военные действия на сухом пути и на море, и Порта обязалась не делать никаких новых приготовлений и не высылать судов своих к крымским берегам и в Архипелаг; однако казавшаяся непрочность этого перемирия и вероломная политика Дивана заставляли главнокомандующих наших деятельно следить за всеми движениями неприятеля и собирать разные известия.

Поэтому одна главная армия фельдмаршала Румянцева ничего не предпринимала в течение 1772 года, оставаясь на твердой позиции своей по левому берегу Дуная и ожидая окончания мирных переговоров, начатых в Фокшанах и Бухаресте; но флот Спиридова, разделенный на эскадры, показывался в разных пунктах, на которые указывало сомнение, и Сенявин озабочен был охранением крымских берегов.

В августе месяце он ввел эскадру свою в Балаклавскую бухту, получив известие, что татары начинают возмущаться в ожидании значительного вспомогательного войска, отправленного на флоте из Константинополя. Убедившись, однако, в несправедливости этого слуха, вице-адмирал прекратил крейсерство в начале сентября и повел суда свои на зимовку в Ени-Кале и Таганрог. Ф.Ф. Ушаков получил в этом году командование над палубным ботом «Курьер» и вместе с фрегатом «Первым» отправился из Таганрога до Кафы, а оттуда послан был к эскадре, стоявшей в Балаклавской бухте; по возвращении же эскадры в Еникальский пролив, занял брандвахтенный пост у Керчи.

Плаванья этого года замечательны были тем, что несколько небольших военных судов наших совершили первые переходы по Черному морю, доставляя депеши из Дуная в Азовское море и обратно.

В исходе августа перемирие с Турцией было расторгнуто и снова заключено в начале декабря того же года. В продолжение этого трехмесячного разрыва, в армии Румянцева и в Азовском флоте не было ничего предпринято; но Архипелагский флот наш, увеличенный тогда еще тремя кораблями, прибывшими из России, немедленно возобновил военные действия и успел прославить себя новыми подвигами.

Отряд капитана Коняева, состоявший из двух кораблей, двух фрегатом и четырех мелких судов, сжег восемь дульцинотских фрегатом и восемь шебек в Патрасском заливе; лейтенант Алексиано с фрегатом и двумя поляками оказал значительную помощь сирийскому паше Алибею, воевавшему против Порты; отряд контр-адмирала Грейга блокировал Дарданеллы и опустошил окрестности Чесмы. Много судов, военных и купеческих, взяты были в приз.

Второе перемирие с Турцией продолжалось до 9 марта 1773 года. Не успев в требованиях своих о возвращении прежней власти хану Селим-Гирею над Крымским полуостровом, Порта опять вознамерилась обратиться к оружию, начала собирать значительные силы на Дунае и готовилась высадить двадцатитысячное войско на крымские берега, к чему призывали ее татары, искавшие освобождения от влияния России. Все снова пришло в движение, хотя ничего решительного и не последовало в этом году.

Вице-адмирал Сенявин, задержанный чумною заразою в Таганроге, составил два крейсерских отряда из судов, зимовавших в Ени-Кале, поручив начальство над ними капитанам Сухотину и Кинсбергену; для охранения же Керченского пролива оставлены были два бомбардирских корабля и мелкие суда.

Первый отряд, состоявший из новоизобретенных кораблей: «Новопавловск», «Азов», «Морея» и «Модон», двух фрегатом и одного палубного бота, вышел в море в начале апреля; 26 мая Сухотин напал в Кизильташской бухте на несколько вооруженных турецких лодок и

пять транспортных судов, везших порох и снаряды, и через короткое время все транспорты, оставленные своими командами, преданы были огню, за невозможностью стащить их с мели, а лодки успели войти в р. Кубань и укрыться.

30 мая под южным таманским берегом еще сожжен был один большой неприятельский транспорт и другой взят в плен с 80 турками. 8 июня, в Кизильташской бухте снова появилось до двадцати турецких транспортов, которые, при нападении на них, поспешили войти в Кубань, за исключением двух, ставших на мель и сожженных самим неприятелем.

В отряде капитана 2 ранга фон Кинсбергена находились два корабля: «Таганрог» и «Корон», назначенные крейсировать у южных берегов Крыма. 23 июня, рано поутру, против Балаклавы появились три турецких 54-пушечных корабля и 24-пушечная шебека под флагом вице-адмирала. Кинсберген смело вступил с ними в бой, продолжавшийся шесть часов подряд, и нанес им совершеннейшее поражение; неприятельские суда неоднократно загорались от действия нашей артиллерии, имели большие повреждения в рангоуте и снастях и вынуждены были наконец бежать на фордевинд.

Отряд наш также много потерпел в этом неравном сражении, потерял пять убитыми, в том числе одного офицера, и 27 ранеными и для исправления зашел в Балаклавскую бухту, откуда возвратился в Керчь. 21 августа Кинсберген вышел на новое крейсерство, к абхазским берегам, с четырьмя кораблями, одним фрегатом, одним вооруженным палубным ботом и одним брандером. На другой день поутру, находясь против Суджук-Кале, заметили до 18 неприятельских судов, имевших очевидное намерение достигнуть крымских берегов, и к полудню 24-го числа четыре 64-пушечных корабля, два фрегата и одна шебека приблизились на расстояние двух кабельтовых к русскому отряду.

Кинсберген, будучи на ветре, спешил атаковать их по частям; смелыми и хорошо рассчитанными движениями он, вскоре подойдя со всеми судами своими на пистолетный выстрел к двум передовым неприятельским кораблям, начал осыпать их ядрами и картечью, располагая пустить брандер для довершения поражения, но внезапная перемена ветра расстроила это намерение, сделав турецкие суда на ветре и дав всем им возможность укрыться в бухте Суджук-Кале.

28 августа к отряду Кинсбергена присоединился вице-адмирал Сенявин, вышедший из Керчи с двумя кораблями, фрегатом и четырьмя палубными ботами; в бухте Суджук-Кале эскадра эта преследовала 5 турецких кораблей, 2 фрегата, 2 шебеки и 1 галеру, которые успели, однако, уйти от погони, и, осмотрев после того Кизильташскую бухту, возвратилась к мысу Таклы.

Пребывание неприятельских эскадр в соседних водах делало крейсерство необходимым до поздней осени, для прикрытия Керченского пролива и конвоирования транспортов с провиантом сухопутному войску нашему, расположенному в Крыму; поэтому Сенявин разделил флот свой на отряды и сборным местом для крейсеров, плававших у крымских берегов, служила Балаклавская бухта. Лейтенант Ф.Ф. Ушаков, командуя в 1773 году тем же ботом «Курьер», ходил в Кафу, Таганрог и находился в крейсерстве; по прибытии же к эскадре в Балаклаву, в исходе сентября, получил в командование корабль «Морея», но вскоре ему поручен был другой корабль «Модон», для следования в Таганрог; однако корабль этот по ветхости своей не мог отправиться осенью и зимовал в Балаклаве вместе с несколькими другими судами.

Дунайская флотилия больше не принимала участие в кампании этого года. Еще в феврале 1772 года послан был на Дунай адмирал Ноульс, для исправления и вооружения всех судов, взятых у турок под Исакчей, Тульчей, Измаилом и Килией; к флотилии этой должна была присоединиться половина кораблей и фрегатов азовских, но перемирие с Турцией приостановило приготовления на Дунае, так что в 1773 году не имелось еще ни одного судна, которое с безопасностью могло появиться на море.

Однако к июню месяцу, по распоряжению генерала Вейсмана, командовавшего войсками на левом берегу Дуная, в Килии и Измаиле снаряжен был отряд из четырех шхун и двух галиотов, большей частью ветхих, для ограждения дунайских устьев от неприятельских покушений.

Суда эти, под начальством капитана 2 ранга Третьякова, в начале июня крейсировали между островом Фидониси и Варной, но, поврежденные сильным волнением, вскоре должны были искать убежища в Судинском устье; спустя несколько дней пришли туда же три турецких корабля и восемь малых судов, для отражения коих Третьяков устроил сильные береговые батареи. Однако неприятель, не отважившись на нападение, через короткое время удалился; суда же наши оставались в Судине до поздней осени и потом возвратились к Измаилу.

Армия фельдмаршала Румянцева, состоявшая всего из 34 тысяч, по прекращении перемирия с Турцией, перешла на правый берег Дуная и возобновила нападения, действуя, впрочем, большей частью малыми отрядами; в половине июня она приступила к крепости Силистрия, но вынуждена была возвратиться без успеха, после жаркого боя, в котором пал генерал Вейсман; два отряда, посланные в октябре к Варне и Шумле, равным образом не достигли своей цели.

Не более успеха имел и флот адмирала Спиридова; эскадры, блокировавшие Дарданеллы, не встречали неприятельских судов и не нанесли большого вреда берегам его; эскадра контр-адмирала Елманова, из 4 кораблей, 3 бомбардирских и 3 фрегатов, сделала неудачную попытку на Будрум и Станко, у Анатолийского берега; только легкая эскадра капитана Кожухова и графа И. Войновича, из пяти фрегатов и одиннадцати мелких судов, назначенная действовать у берегов Египта и Сирии для вспомоществования паше Али-бею, продолжавшему воевать против Порты, успела захватить несколько хороших призов и содействовала друзьям при взятии Бейрута, за что получила от них, по условию, значительное денежное вознаграждение.

1774 год привел к действиям более решительным, положившим окончание войне. Вошедший тогда на престол султан Абдул-Хамид призвал все средства к достижению успеха, но, подобно предшественнику своему, испытал только непобедимость русского воинства. Турция, со времени Чесменского пожара, успела уже значительно пополнить морские силы свои и, ежели не отваживалась выказать их в Архипелаге, где по-прежнему господствовал русский флот, приготовлялась к наступательным действиям на Черном море, против немногочисленного Азовского флота, в котором к весне 1774 года состояло восемь кораблей 16- и 20-пушечных, четыре больших фрегата, два бомбардирских корабля, восемь палубных ботов, четыре галиота и один военный транспорт.

Сенявин готовил отпор неприятелю, суда, зимовавшие в Балаклавской бухте (в том числе корабль «Модон», под командой лейтенанта Ф.Ф. Ушакова), оставлены были там для защиты гавани и крепости от нападения турецких десантных войск, прибытия коих татары ожидали с нетерпением и готовились к восстанию. В апреле вышел в море отряд капитана Кинсбергена, четыре корабля и один бот, для прикрытия транспортов наших на протяжении между Керчью и Балаклавой и другой отряд из двух кораблей и трех фрегатов для крейсирования у Керченского пролива, под начальством контр-адмирала Чичагова, прибывшего с Балтийского флота в ноябре прошлого года.

До июня неприятель нигде не показывался; 9-го же числа к Керченскому проливу подошла турецкая эскадра: 5 кораблей, 9 фрегатов, 10 шебек, 26 галер и 15 меньших судов, под флагом одного адмирала и одного вице-адмирала, имевшая намерение прорваться в Азовское море и высадить десант на крымский берег.

Неприятель приближался с попутным SW ветром, разделившись на две части, и передовое его отделение, состоявшее из фрегатов, шебек и галер, к 8 часам вечера на расстоянии пушечного выстрела открыло огонь по линии наших судов, лежавших правым галсом, между тем как корабли их под всеми парусами спешили в пролив; но Чичагов, видя в этом движении своего противника намерение отрезать слабый русский отряд от пролива, поворотил на другой

галс и к ночи стал на якорь у мыса Таклы; это заставило турок отойти в море. На другой день к полудню пять кораблей их и девять фрегатов возобновили нападение; Чичагов решился понемногу отступать и, наконец, занял место в самой узости пролива для преграждения неприятелю входа в Азовское море.

Восемнадцать последующих за тем дней проведены были без всяких покушений со стороны турок, и они успели только свезти на таманский берег корпус сухопутных войск; отряд же Чичагова был в продолжение этого времени усилен двумя кораблями, и сам Сенявин принял над ним начальство, поспешив из Таганрога при известии о появлении сильного неприятеля. 28 июня турки показали намерение атаковать и с попутным ветром подходили к русской линии, открывая пальбу ядрами и бомбами на далеком расстоянии; все гребные суда их шли под крымским берегом.

Однако огонь с двух бомбардирских кораблей наших был до того действителен, что через короткое время привел в замешательство передовые корабли неприятеля, и они, прибавив парусов и прекратив пальбу, начали отходить прочь, чему последовали все остальные суда их и остановились на прежнем якорном месте у мыса Таклы. Тут пробыли они в бездействии еще около двух недель; но в это время другая турецкая эскадра успела высадить войско на крымский берег, между Судаком и Ялтой, под начальством паши Хаджи-Али, что произвело между татарами сильное волнение, и малочисленные русские отряды, в тех местах находившиеся, не могли успокаивать жителей или противостоят неприятелю, и вынуждены были отступать.

Суда, назначенные для защиты Балаклавы, много способствовали подкреплению войск наших и удержанию турок и татар от завладения этой крепостью и гаванью. Вскоре получено было известие о заключении мира, и турецкая эскадра, стоявшая у мыса Таклы, немедленно удалилась в море, 16 июля, забравши войска свои с таманского берега; но войска Хаджи-Али, в ожидании повеления Дивана, до августа месяца оставались еще в Крыму.

Действия главной армии на Дунае блистательно вознаградили неудачи предшествовавшего года. Фельдмаршал Румянцев, имевший до 46 тысяч войска, переправился на правый берег реки и предупредил попытки верховного визиря, намеревавшегося со значительными силами перейти на левый берег и теснить русских. Генерал Салтыков нанес совершеннейшее поражение 15-тысячному турецкому корпусу при Туртукае и 16 июня окружил крепость Рушук; генерал Каменский разбил 25 тысяч турок у Козлуджи и 18 июня остановился перед Шумлой; сам фельдмаршал 21 июня обложил Силистрию.

Неприятель, везде разбитый и стесненный, потерял прежнюю решимость свою; верховный визирь, запершись с главными силами в Шумле, отрезан был от всякого сообщения с Константинополем и вынужден склониться к миру, который заключен в Кучук-Кайнарджи 10 июля 1774 года, в стане войск Румянцева.

Архипелагский флот не предпринимал ничего особенного в течение этого года и только появлялся перед Дарданеллами и в разных местах турецких владений, нигде не встретив неприятельских военных судов. Главное начальство над ним принял в том году вице-адмирал Елманов, заступивший место адмирала Спиридова, уволенного по болезни в отставку; по заключении мира с Турцией, он получил повеление со всевозможной поспешностью возвратиться в балтийские порты, куда прибыл благополучно, оставив, по особому распоряжению, пять малых фрегатов в Ливорно, а два фрегата и несколько транспортов под купеческими флагами вошли в Черное море и присоединились к тамошнему флоту.

Флот вице-адмирала Сенявина также прекратил плаванья свои, коль скоро дошло до него известие о мире. Часть судов осталась в Керчи, под начальством капитана 1 ранга Касливцева, которому поручен был и порт; большая же часть прибыла в Таганрог, под командой контр-адмирала Чичагова; но Балаклавская эскадра (в том числе корабль «Модон» лейтенанта Ф.Ф. Ушакова), вверенная начальству капитан-лейтенанта Хвостова, оставалась в Балаклаве и крей-

сировала у соседних берегов до августа, покуда турецкие войска Хаджи-Али не сели на суда свои и отплыли в Константинополь, после чего она прибыла в Таганрог.

В Азовском флоте нашлось тогда всех годных на службу судов 30, а именно: 7 кораблей 16-пушечных, 6 фрегатов, 4 галиота, 7 палубных ботов, 5 транспортов и 1 бомбардирский корабль. Все суда Дунайской флотилии, годные для плавания в море, повелено было перевести в Таганрог, но из числа 106 разного названия судов только четыре шхуны могли быть доставлены.

Мы прекращаем здесь рассказ о действиях Черноморского флота, чтобы дать место описанию служения Ф.Ф. Ушакова на Балтийском флоте, и возвратимся к прерванному повествованию в главе IV.

Глава III

Служение Ф.Ф. Ушакова в Балтийском флоте с 1775 по 1783 год

Прослужив шесть лет в Азовском флоте, Ф.Ф. Ушаков переведен был в 1775 году в Санкт-Петербургскую корабельную команду и в том же году, по возвращении из трехмесячного отпуска, 20 августа произведен в капитан-лейтенанты; в чине лейтенанта пробыл шесть лет.

В то время снаряжался отряд в Средиземное море. «Для расходов вне государства и для сохранения курса от упадка» императрица Екатерина повелела «отправить из Петербурга русские товары на казенный счет, для продажи в иностранных местах». Поэтому три военных фрегата: «Павел», «Наталия» и «Григорий» подняли купеческие флаги; на каждом из них оставлено было только по 18 пушек и всего взято ими 17 тысяч пудов груза, состоявшего из железа, юфти, кабельтовых, тросов и проч. Четвертый фрегат, «Северный Орел», с военным флагом и под командой начальника отряда капитана 2 ранга Козлянинова назначен был для конвоя.

Один из этих фрегатив отвоз товары в Ливорно, а два в Константинополь; кроме того, повелено еще было нагрузить товарами в Ливорно и отправить в Константинополь два фрегата: 26-пушечный «Св. Павел» и 24-пушечный «Констанция», оказавшиеся благонадежными и находившиеся в числе тех нескольких судов, которые при возвращении русского флота из Архипелага, в 1775 году, оставлены в Ливорно под надзором генерал-майора Ганнибала.

Командиры и команды на оба судна эти посланы были с отрядом Козлянинова, и на «Св. Павел» назначен капитан-лейтенант Ушаков, который поступил, для отвоза, на фрегат «Северный Орел». Отряд этот отплыл из Кронштадта 15 июля 1776 года, прибыл в Ливорно 12 сентября того же года и в мае 1779-го, т. е. через два года и девять месяцев, возвратился в Кронштадт.

В течение этого времени фрегат «Св. Павел» ходил из Ливорно в Константинополь и Гибралтар, а при обратном плавании в свои порта Ушакову поручено было отправиться (9 апреля), вместе с фрегатом «Констанция» в Кале, для перевоза дюшеса Кингстон на фрегат «Северный Орел», доставивший его в Россию; с отрядом же он соединился в Доунсе.

По возвращении отряда в Кронштадт и когда все суда, его составлявшие, втянулись в гавань, Ушаков назначен был командиром корабля «Св. Георгий Победоносец»; потом, через несколько месяцев, переведен в Санкт-Петербургскую корабельную команду, и в конце того же 1779 года, по определению Адмиралтейств-коллегии, послан в Рыбинск и Тверь для поставки корабельных лесов, зазимовавших в прошлую навигацию.

Поручение это было исправно выполнено весной 1780 года, и в августе, по определению Адмиралтейств-коллегии, Ушаков назначен командиром императорской яхты, с которой стоял против Зимнего дворца до половины сентября, после чего прибыл в Кронштадт, будучи назначен командиром 64-пушечного корабля «Виктор».

В марте 1781 года в Кронштадте и Ревеле приготовлялась новая эскадра, под начальством контр-адмирала Сухотина, для отправления в Средиземное море. Назначение ее было то же самое, как и двух эскадр: контр-адмирала Борисова и капитана бригадирского ранга Палибина, посланных туда в прошлом году, и ее составляли следующие пять кораблей и два фрегата: 74-пушечный «Пантелеймон» под флагом контр-адмирала Сухотина (капитан 1 ранга Берх); 66-пушечные: «Не тронь меня» (капитан Мельников); «Память Евстафия» (капитан 1 ранга Повалишин); «Европа» (капитан Скуратов); «Виктор» (капитан-лейтенант Ф.Ф. Ушаков); 32-пушечные фрегаты: «Воин» (капитан-лейтенант Шубин) и «Мария» (капитан-лейтенант Прусаков).

Сухотину предписано было взять провизии на шесть месяцев и по возможности не заходить ни в какой порт. Содержание инструкции от Адмиралтейств-коллегии было следующее: «Вследствие принятого Ее Величеством правила защищать торговлю и плавание подданных своих от всякой обиды, Ее Величество намерена сохранять наиточнейший нейтралитет против воюющих держав: Англии с Францией, Испанией и Голландией...

Следовать из Кронштадта до Ливорно и стараться в том же году возвратиться обратно... В военных действиях никакого участия не принимать; но, в случае нападения на купеческие суда, защищать их силой... С королем Датским и Шведским и с Республикой Голландской заключена конвенция, 1781 г. марта 15, в пользу торгового плавания, доколе настоящая война Англии с Францией и Испанией продлится. Итак, прибегающие под вашу защиту шведские, датские и голландские купеческие корабли брать должно только те, которые не имеют военной контрабанды и верные паспорта; но о голландских сие разуметь должно в рассуждении Франции и Испании; что ж до Англии касается, то голландские купеческие суда под сей артикул не подходят, как в войне находящиеся с Англией».

Контр-адмирал Сухотин должен был еще взять на эскадру свою вещи (26 пушек, 4 якоря и несколько такелажа), спасенные с корабля «Слава России» (разбившегося в 1780 году у Йерских островов) и находившиеся в Тулоне; также привезти 2600 бочонков пуццолана для Кронштадтского каменного канала и всех греков, которые ожидают переселиться в Россию.

Эскадра вышла из Кронштадта 25 мая; остановилась на несколько дней в Копенгагене, где встретила с возвращавшимся в Россию отрядом бригадира Палибина (из трех кораблей и одного фрегата), и, снявшись оттуда 27 июня, пришла в Ливорно 15 августа, никуда не заходя. Однако Сухотин не мог возвратиться в том же году в свои порта, по ветхости корабля «Европа» и имея много больных на эскадре; поэтому он расположился провести зиму в Ливорно со всеми судами своими, а корабль «Европа» отправил в порт Феррайо для исправлений.

Адмиралтейств-коллегия нашла причины эти уважительными. В марте 1782 года его императорское высочество генерал-адмирал Павел Петрович с супругой своей, находясь в то время в Италии, посетили эскадру и были встречены со всеми почестями. 11 апреля Сухотин оставил Ливорно, но за крепким противным ветром и значительными повреждениями вынужден был возвратиться; на флагманском его корабле «Пантелеймон» зашаталось русленя и было до 60 дюймов воды в трюме; на корабле Ушакова, «Викторе», сломался фок-рей и на прочих судах были большие или меньшие повреждения.

Ушедши вторично из Ливорно 2 мая, эскадра пришла в Доунс 3 июня, имея во все время туманную и дождливую погоду и крепкие ветры, июня 1 прибыла она на Кронштадтский рейд, и 7-го числа все суда втянулись в гавань.

В это время изготовлялись два фрегата: «Проворный», обшитый белым металлом, и «Св. Марк», обшитый медью, для испытания их качеств и преимущества одной обшивки перед другой. На первый из них назначен был командиром Ушаков, сдав, на время этого отсутствия, другому офицеру корабль свой «Виктор», находившийся в гавани. Главное начальство над обоими фрегатами поручено было капитану 1 ранга Ханыкову, и плавания их продолжались с 2 августа по 11 сентября.

1 января 1782 года Ушаков произведен в капитаны 2 ранга, прослужив капитан-лейтенантом 7 лет 4 месяца; в июне 1783 года командирован в Херсон, в состав тамошней третьей эскадры. В 1784 году 1 января произведен в капитаны 1 ранга, и хотя находился в Херсоне, но до 1785 года считался по спискам в Балтийском флоте, в 1-й дивизии и командиром того же корабля «Виктор». Будучи потом переведен в Черноморский, он через 19 лет, в чине адмирала, опять назначен был в Балтийский, где и окончил военное поприще свое.

Глава IV

Служение Ф.Ф. Ушакова в Черноморском флоте с 1783 года

Кучук-Кайнарджийский мир 1774 года, подтвержденный в 1779 году, доставил русским судам свободное плавание по Азовскому и всему Черному морю и одинаковые торговые преимущества с французскими и английскими купеческими судами в турецких водах. Россия приобрела в вечное свое владение земли между Днепром и Бугом, Азов, Таганрог, Керчь, Ени-Кале и лежащий против Очакова замок Кинбурн с его округом; кроме того, признана была независимость крымского хана Шахин-Гирея, расположенного к России, и татар кубанских, буджакских и ногайских; река Кубань назначена границей между двумя империями.

За Турцией осталась Очаковская крепость, защищавшая вход в лиман Днепровский, и ей возвращены были занятые нами: Бессарабия, Молдавия, Валахия и все острова Греческого Архипелага, с обязательством не мстить жителям и не стеснять исповедания христианской веры.

Приобретение стольких вод и прибрежных земель давало возможность расширить военные морские силы соответственно видам и потребностям; поэтому вскоре после заключения мира усилено было судостроение на Дону и, кроме прежних верфей выше Воронежа, в Таврове, Павловске и Хоперске, учреждены были новые близ устья Дона: в Рогожских Хуторах, в Гнилой Тоне и Таганроге; часть же судов имела постоянное пребывание в Керчи.

В декабре 1775 года Адмиралтейств-коллегия получила повеление об избрании на Днепровском лимане, неподалеку от урочища, называемого Глубокая Пристань, и сколько можно ближе к Александровским шанцам, выгодного места для гавани и адмиралтейства, со всеми необходимыми к нему принадлежностями и в котором для построения больших военных судов имелось бы 20 или по крайней мере 15 эллингов, расположенных в таком близком между собой расстоянии, чтобы все адмиралтейство с будущими строениями удобно было обнести укреплениями.

В том же указе, между прочим, сказано: что, «как по отдаленности Адмиралтейств-коллегии от заводимой верфи и гавани, она не может, без потери большого времени, снабжать часто повелениями и наставлениями, то для избежания сего избрать одного члена Коллегии с особенной доверенностью, а обо всех новых положениях сочинить штат».

В августе 1776 года с Балтийского флота назначен был контр-адмирал Клокачев главным морским начальником на Дону, а в 1777 году контр-адмирал Шубин, имевший поручение приискать место для кораблестроения на Днепре, указал на берег, занимаемый теперь Херсоном, и по представлению его в том же году заложен был город с адмиралтейством и верфью; на правой стороне Лимана, у Глубокой Пристани, построен редут.

Устройством нового города заведовал инженерный полковник Гакс, под надзором генерал-цейхмейстера морской артиллерии Ганнибала и под главным начальством новороссийского генерал-губернатора князя Потемкина. В короткое время все необходимые постройки Херсонского адмиралтейства были готовы и в девяти его эллингах строили 66-пушечные линейные корабли и камели.

В 1778 году Адмиралтейств-коллегии высочайше было предписано из находившихся судов в Азовском море, оставив несколько для охранения Керченского пролива, прочие, в числе коих были три новых фрегата, препроводить в Херсон, и для почты между Константинополем, Херсоном и Керчью содержать до шести легких судов. В 1780 году сверх строившихся восьми кораблей повелено было заготовить леса еще для четырех, чтобы содержать в Херсоне двенадцать 66-пушечных кораблей, а фрегатов и прочих судов по соразмерности.

В Таганроге, под распоряжением Клокачева, судостроение также шло успешно, и к 1777 году построено им семь фрегатов и один бомбардирский корабль; а в 1779 году всех больших судов в Азовском флоте состояло 52. В этом же году бригадир Круз крейсировал с эскадрой на Черном море.

Не прочны, однако, были основания мирного договора с Турцией, видевшей неизбежное присоединение Крыма к России и искавшей возвращения прежнего своего на него влияния. Поэтому, поселяя беспрестанные неудовольствия между татарами и подстрекая их к восстанию, Порта обнаруживала свои замыслы; наконец она перешла к явному нарушению мирных условий, заняв Тамань в 1782 году и намереваясь переправить войска в Крым, где татары вторично взбунтовались и принудили хана своего искать убежища в Керчи.

Вследствие этого повелено было: генерал-поручику Потемкину заставить турок удалиться за Кубань, и Суворову усмирить буджакских и ногайских татар; генерал же поручик граф де Бальмен двинулся для успокоения Крыма, проник вовнутрь полуострова, занял Ахтиар и построил в нем укрепление. В начале осени того же года многочисленный турецкий флот, под начальством капудан-паши, подойдя к Кинбурну, намеревался сделать высадку, но Суворов, успев усадить Кинбурнские укрепления, готовил решительный отпор и неприятельский флот, ничего не предприняв, вынужден был удалиться.

В 1783 году последовало присоединение Крыма к Российской империи, совершенное без всякого кровопролития, даже без выстрела, и доставившее титул Таврического князю Потемкину; в апреле того же года начальник Азовского флота вице-адмирал Клокачев по повелению императрицы отправил фрегат «Осторожный», под командой капитана 2 ранга Берсенева, для описи крымских берегов и осмотра Ахтиарской бухты (Корсунского Сиваша). Получив донесение, что вновь приобретенный порт представляет все удобства, Клокачев прибыл туда из Керчи в начале мая с четырьмя фрегатами и столькими же мелкими судами; вслед за ними пришли туда с контр-адмиралом Мекензи еще шесть фрегатов Азовского флота и несколько купеческих транспортов и основали там свое местопребывание.

Контр-адмиралу Мекензи поручено устройство порта, первоначально названного Ахтиаром (что значит «белая или медовая гора»), по имени небольшой татарской деревни находившейся; вскоре, однако, императрица наименовала его Севастополем, что значит на греческом языке «Знаменитый город».

В половине 1783 года прибыли из Петербурга в Херсон первые морские команды на семь кораблей и фрегатов, и в числе многих офицеров, посланных тогда с Балтийского флота, состоял и Ф.Ф. Ушаков. Повелено было в Херсон и Севастополь высылать работников из внутренних губерний; леса из Белоруссии, Польши, Воронежа и Крыма; железо с сибирских заводов доставляемо было через Таганрог. Чума, проникшая из Крыма, приостановила на некоторое время адмиралтейские работы в Херсоне, и Ушаков, находившийся при постройке тамошних кораблей, принимал также деятельное участие в прекращении заразы¹, за что, по особому ходатайству президента Адмиралтейств-коллегии графа И.Г. Чернышева, награжден в 1784 году орденом Св. Владимира 4-й степени и получил письменную благодарность от Коллегии.

Построение судов в Херсоне производилось, однако, деятельно, невзирая на многие недостатки и затруднения, первоначально встретившиеся, и на развившуюся болезнь. В 1783 году там спущен был на воду первый черноморский линейный корабль, 74-пушечный «Слава Екатерины», под командой капитана 1 ранга графа М. Войновича, и 50-пушечный фрегат «Св. Георгий Победоносец»; а в следующем году спущены: 66-пушечный корабль «Мария Магдалина», 66-пушечный «Св. Павел», под командой капитана 1 ранга Ф.Ф. Ушакова, и 50-пушеч-

¹ Докладную записку Ф.Ф. Ушакова о мероприятиях по борьбе с чумой смотри во второй части книги.

ный фрегат «Св. Апостол Андрей»; все суда эти построены корабельным мастером Афанасьевым.

Корабль «Слава Екатерины», фрегат «Св. Георгий» и несколько мелких судов в 1784 году крейсировали уже у крымских берегов, и небольшая эскадра эта, состоявшая под начальством капитана графа М. Войновича, вошла в Севастополь, избранный в этом году главным портом для Черноморского флота.

Указом от 13 августа 1785 года князю Потемкину-Таврическому поручен был в полное ведение Черноморский флот со всеми адмиралтействами и портами на Черном и Азовском морях и на Дону, и вскоре за тем ему пожалован кейзер-флаг. В том же году утвержден штат Черноморского флота и Адмиралтейства, которым положено было иметь 12 линейных кораблей (два 80-пушечных и десять 66-пушечных), 20 фрегатов (восемь 50-пушечных, шесть 32-пушечных и шесть 22-пушечных), 23 ластовых и транспортных судов, три камели и 13 500 матросов, солдат и артиллеристов, кроме портовых и адмиралтейских команд.

По спискам того года в Черноморском флоте старшими офицерами состояли: вице-адмирал Яков Сухотин; контр-адмиралы: Роберт Дугдал, Томас Мекензи; капитаны 1 ранга: Николай Мордвинов, Марк Войнович (считался в Донской флотилии), Панайоти Алексиано, Ф.Ф. Ушаков, Тиамин Тиздель и Павел Пустошкин. Потемкин возложил попечение об устройстве портов: в Севастополе на контр-адмирала Мекензи, в Херсоне на капитана 1 ранга Н.С. Мордвинова и в Таганроге на П.В. Пустошкина; устройство же и обучение корабельного флота было поручено капитанам 1 ранга графу Войновичу и Ф.Ф. Ушакову.

Тогда же капитан-лейтенант Д.Н. Сенявин назначен был к нему генерал-адъютантом по управлению Черноморским флотом, и приняты были в морскую службу много греков и два англичанина: Мессер и Белле.

Во время путешествия Екатерины II в 1787 году по вновь приобретенным землям, в сопровождении австрийского императора Иосифа II, принцев Нассау и де Линя и французского, английского и австрийского посланников, государыня посетила Херсон, где присутствовала при спуске кораблей: 80-пушечных «Рождество Христово» и «Иосиф II», 66-пушечного «Св. Владимир» и 50-пушечного фрегата «Св. Александр Невский».

22 мая императрица прибыла в Севастополь и тут впервые увидела юный Черноморский флот, стоявший в стройных линиях на рейде. Он состоял тогда из 3 линейных кораблей, 3 бомбардирских, 12 фрегатов, 2 брандеров и до 26 судов двух- и трехмачтовых, под военными флагами, доставленных из Архипелага, где они служили корсерами при флоте адмирала Спиридова. Всем флотом этим начальствовал граф Войнович, произведенный тогда, вместе с Мордвиновым, в контр-адмиралы; командир же корабля «Св. Павел» Ф.Ф. Ушаков пожалован был в капитаны бригадирского ранга (в чине капитана 1 ранга прослужил около трех лет).

С большим торжеством и предупредительностью князь Потемкин принял в Севастополе императрицу, обрадованную видом стольких военных судов русских на Черном море и важными удобствами нового порта; военное празднество продолжалось два дня, и произведено было примерное нападение на деревянную крепость, нарочно устроенную на северном берегу рейда, которую разрушил и сжег бомбардирский корабль «Страшный».

Все флагманы и командиры судов представлены были императрице и допущены к целованию руки, в том числе Ф.Ф. Ушаков. 24 мая ее величество со всеми гостями отбыла из Севастополя в обратный путь; но едва смолк гром салютов, которыми была приветствуема великая монархиня, как разрыв с Турцией, последовавший в сентябре того же года, подал флоту новый случай ниспослать гром побед на врагов своих.

Глава V

Вторая война с Турцией в царствование императрицы Екатерины II, в 1787 году

Турция, как мы уже упомянули, не могла спокойно сносить потери Крыма, столь чувствительной для ее выгод и значения; и, невзирая на обязательства вечного мира, не отказывалась еще от надежды возвратить утраченное. Домогательства ее беспрестанно увеличивались, и новые причины к разрыву были изыскиваемы. Желая, однако, всеми способами отклонить войну, государыня вызвала из Константинополя посланника, действительного статского советника Булгакова, и в бытность свою в Херсоне имела с ним совещание.

Между тем в начале мая сильная турецкая эскадра подошла к Кинбурну; движения ее не предвещали миролюбивого окончания несогласий, и хотя с возвращением Булгакова в Константинополь она удалилась, но Черноморскому флоту, вскоре по отъезде государыни из Крыма, повелено было находиться в готовности к выходу в море по первому востребованию, и даже суда гребной флотилии, сопровождавшей императрицу по Днепру, возвращены были в Лиман и вооружены пушками для усиления защиты Кинбурна и Херсона.

Ожидания оправдались, и Порты, искавшая войны, сделалась еще настойчивее в своих притязаниях, следуя притом внушениям некоторых европейских дворов, с неудовольствием взиравших на быстрое усиление России. Она считала случай благоприятным в том отношении, что Австрия, отвлеченная тогда беспокойствами в Бельгии, не могла подать нам никакой помощи.

Главнейшее требование Порты состояло в возвращении Крымского полуострова и уничтожении с ней торжественных договоров о вечном мире; получив же на это решительный отказ, она немедленно приступила к военным действиям; 5 августа заключила посланника Булгакова в Едикуль, или Семибашенный замок, и к Очакову выслала эскадру из трех линейных кораблей, одного фрегата, одного бомбардирского бота, восьми шебек, шести фелюг и пятнадцати галер и прочих гребных судов.

Начальствовал ими капудан-паша Эски-Гассан, или Эль-Гази, прозванный соотечественниками Крокодилом моря битв, или Крокодилом морских сражений, за его искусство, предприимчивость и необыкновенные подвиги и храбрость. Он командовал «Капуданой» или адмиральским кораблем во время Чесменского боя в 1770 году и был в числе немногих спасшихся с этого корабля, истребленного пламенем. По возвращении в Константинополь, султан Махмуд сделал его капудан-пашой, и теперь он жаждал случая загладить прежнюю неудачу.

Августа 16-го турецкая эскадра остановилась перед Очаковым и, прежде чем обнаружена была там война, сделала нападение 21 августа на фрегат «Скорый» (капитан-лейтенант Обольянинов) и 12-пушечный бот «Битюг» (штурман Кузнецов), стоявшие в Лимане, близ Кинбурна, в ожидании прибытия от Глубокой Пристани новопостроенных корабля «Владимир» и фрегата «Св. Александр Невский» с несколькими транспортами.

Преследуемые всеми мелкими турецкими судами, фрегат «Скорый» и бот «Битюг» после храброй защиты, продолжавшейся шесть часов, успели наконец удалиться к Глубокой Пристани, имея только трех матросов убитыми и одного раненого и потопив один турецкий кирлангич; но неприятель заградил выход в Черное море. Контр-адмирал Мордвинов, бывший тогда старшим членом Черноморского адмиралтейского правления, находясь на фрегате «Александр Невский», наблюдал за действиями судов в Лимане.

Оскорбление, нанесенное Булгакову, и вероломное нападение на суда наши перед Кинбурном были со стороны Порты первыми вызовами к войне, ознаменованной богатырскими подвигами русского воинства и покрывшей его славой почти баснословной. Высочайший мани-

фест о войне с Турцией был обнародован в Санкт-Петербурге 9 сентября 1787 года; но на первое время сухопутным войскам назначено было одно охранение пределов России, и только Севастопольскому флоту, состоявшему под начальством контр-адмирала графа Войновича, у которого под командой находился Ф.Ф. Ушаков, повелено действовать наступательно и истреблять неприятельские суда всеми средствами.

«Подтверждаю вам, – писал Потемкин графу Войновичу, – собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать свою неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где увидите флот турецкий, атакуйте его, во что бы ни стало, хотя б всем пропасть».

Однако в 1787 году никакой встречи с неприятелем не последовало и плавание флота было несчастливо. 31 августа он вышел в крейсерство близ Севастополя, чтобы не допустить турок к Таврическим берегам. 4 сентября граф Войнович с тремя кораблями линейными, двумя 50-пушечными и пятью 40-пушечными фрегатами шел к Варне; авангардным дивизионом в этой эскадре командовал Ф.Ф. Ушаков; но жестокий шторм, 8 сентября, рассеял все суда, и корабль «Св. Мария Магдалина» (капитан Тиздель) унесен был в Босфор, где взят турками в плен, а 44-пушечный фрегат «Крым» (капитан-лейтенант Селиверстов) потонул.

Остальные суда были до такой степени повреждены, что едва могли возвратиться в Севастополь и почти все без мачт и бушпритов. Флагманский корабль графа Войновича «Слава Екатерины» лишился всех трех мачт, свалившихся за борт, и вынужден был в открытом море стать на якорь, чтобы откачать воду, возвысившуюся в трюме до 10 футов; корабль Ушакова, 66-пушечный «Св. Павел», также был близок к гибели и несколько дней носился по морю; но фрегат «Легкий» (капитан 2 ранга Вильсон), невзирая на свое гибельное положение, истребил одно турецкое судно и снятых с него людей привез в Севастополь.

Неудачные эти плавания корабельного флота не позволили ему также отвлечь турецкую эскадру, имевшую намерение проникнуть в Лиман и разорить Херсонский порт. Контр-адмирал Мордвинов расположился с судами своими у Глубокой Пристани для заграждения пути неприятелю, а генерал Суворов, командовавший войсками на Днепре, избрав Кинбурнский замок главной квартирой, укрепил его по возможности и собрал в нем до четырех тысяч пехоты и конницы, чтобы из этого пункта, как ближайшего к неприятелю, останавливать все его замыслы.

В распоряжении Мордвинова находились тогда три корабля: «Иосиф II», «Св. Владимир» и 50-пушечный «Св. Александр Невский»; три фрегата: 40-пушечный «Скорый», 24-пушечные «Св. Николай» и «Бористень»; 12-пушечный бот «Битюг», семь галер, две плавающие батареи, пять баркасов и несколько транспортов, но большая часть судов этих сооружена была наскоро и за недостатком пушек имели только половинное их число. Семь раз турецкая эскадра, подкрепляемая Очаковским гарнизоном, усиленным свежими войсками, делала нападение на Кинбурн – 26, 30 и 31 августа, 13, 14, 16 и 30 сентября.

При нападении 13 сентября один неприятельский корабль взорвался и погиб со всеми людьми; самая же решительная атака произведена 30-го числа: пять тысяч турок высажены были на Кинбурнскую косу, но, отраженные Суворовым, при содействии судов наших, они потеряли на месте до трех тысяч; остальные же были потоплены, и едва 500 человек достигли вплавь судов своих. Две турецкие канонерские лодки и шебека пущены на дно, одна шебека взорвана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.